

12

17 июля 1997 г.

- Куктыко -
- с. 12.

БЫТЬ ЗНАМЕНЫТЫМ НЕКРАСИВО

ТЕАТР И ТВ

Наталия КАМИНСКАЯ

Валентин Плучек, видимо, очень любит Пастернака. Иначе зачем бы он начал телепередачу стихами "О, если б знать, что так бывает, когда пускался на дебют...", а закончил теми, чья первая строка стала заголовком для этих заметок? Валентин Николаевич в кадре был каким-то домашним, в уютном джемпере, в удобном кресле. Читал Пастернака так, как сделал бы это, наверное, на дружеском чаепитии в кругу добрых интеллигентных знакомых. Между тем знакомые Плучека — величайшие фигуры мировой культуры: Мейерхольд, Маяковский, Чаплин, Питер Брук. Плучек, однако, читал Пастернака нам, телезрителям, заведомо включая в круг интеллигентов телемассу, сживающую вечерами у своих экранов. А рассказывал при этом о себе как-то попушно, но о своих легендарных знакомых — с поразительным пиететом.

Вот студент-первокурсник ГЭХТЕМАСа Валя Плучек играет свою первую роль в мейерхольдовском "Ревизоре". Роль заключается в том, что он долго сидит в тумбочке, чтобы затем появиться на сцене с одной репликой. Сквозь щели юный артист разглядывает зал. В первых рядах видит Андрея Белого, Михаила Чехова, Луначарского и даже Троцкого. Вот пробует на танец в "Клопе" вместе с сокурсницей и использует этот шанс с такой неуемной прытью, что сидящий в зале Маяковский восклицает: "Вы ее обесчестили. Теперь вы обязаны на ней жениться". Теперь вы обязаны на ней жениться". Подглавки: "Как я стал мейерхольдовцем", "История одного знакомства. Маяковский". "Белые слоны", "Мой брат Питер Брук", "Встречи в Лондоне. Чарли Чаплин". В широчайшем диапазоне от юмористических эпизодов до горьких воспоминаний ("Белые слоны" — о том, как Зинаида Райх не решилась сказать Мейерхольду о закрытии его театра) и емких, глубоких замечаний об искусстве художник рассказывает о времени и о себе. О себе — не в прямую, не в первую очередь. Однако знал, участвовал, был сопричастен. "Соседство с Мейерхольдом приучило меня к скромности". Можно сказать, повезло с биографией. Но, спрашивается, с тем, что бывший детдомовец Плучек учился живописи и скульптуре, а потом — у Мейерхольда, а потом создавал легендарную "Арбузовскую студию", а потом сорок лет был и есть в его жизни Театр сатиры — с этим всем тоже повезло? Вот в этом-то весь и фокус. В том, что "почва" Плучека вспахана им самим. В том, что судьба, подарившая ему такой блистательный контекст, в случае с не столь масштабной и уникальной личностью превратила бы такой же контекст во что-нибудь вроде "с Пушкиным на дружеской ноге".

Передача "Автограф мастера", между тем, отчетливая попытка насытить наш с вами нынешний пошлый контекст кондициями подлинного качества. Напомнить, что в одно с нами время живут люди иных масштабов и категорий. Такой "автограф" — если хотите, редкое учебное пособие по умению писать свою собственную биографию. Стать знаменитым, будучи при этом уверенным, что быть им "некрасиво".

Как знать, может быть, иной из молодых талантов отрет это пособие в кучах многоканального телемусора и оно поможет ему написать свою собственную красивую биографию.

“Автограф мастера” — проект студии РТВ "Браво". Программа цикла, посвященная режиссеру Валентину Плучеку, вышла в эфир на канале ТВ-6. На экране и впрямь появился автограф — белый росчерк на черном фоне. А затем — сам мастер, который глаза в глаза с телезрителями рассказывал о встречах, ставших этапами его биографии и судьбы. Авторы передачи Г.Полтавская, М.Коростылева и режиссер О.Маркичева, похоже, совсем не были озабочены поиском эффектных приемов. Немного хроникальных кадров, несколько фотографий да сцены из спектаклей. Вот только на фотографиях — В.Мейерхольд, З.Райх, В.Маяковский и Брук с Плучеком, пометку определению супруги Валентина Николаевича, "до противности похожие друг на друга". (Что, кстати, неудивительно, они — двоюродные братья). Вот только среди сцен — чудом уцелевшие фрагменты мейерхольдовских спектаклей. А под занавес — сцены из плучековских "Женитьбы Фигаро", "Ревизора" и "Трехгрошовой оперы" сезона 1996/97 г. К слову сказать, сцены не самые выигрышные. Да и "забытое" авторами "Укрощение строптивой" — премьера позапрошлого сезона — упущение, на мой субъективный взгляд, непростительное. Однако ни ценные кадры, ни подбор фрагментов из спектаклей, каким бы он ни был, в случае с Плучеком погоды не делают. Ибо главное здесь — автограф, а еще более существенное — чей это автограф.

Опять же, по Пастернаку: "И здесь кончается искусство, и дышит почва и судьба".

У Плучека в почве и судьбе — потрясающая концентрация подлинных ценностей. При этом речь его, свободная в образах и широчайшая в контекстах, очень проста. Здесь и любезные телевизионному сердцу жена и родственники, и курьезные случаи, и острые подробности.